

Владимир Бибихин как антипаламит

Лука Леонкевич

Варшавский Университет

Владимир Бибихин как антипаламит

Аннотация

Владимира Бибихина можно назвать современным антипаламитом. Богословие энергии св. Григория Паламы, которое сильно повлияло на современную богословскую православную мысль, резко оспаривается Бибихиным.

Русский философ называет паламитский догмат «богословской неудачей», недоумевает, почему сегодня почти никто не спорит с Паламой, а также почему разделенный в свое время Бог Паламы до сих пор остается разделенным на сущность и энергию. Бибихин дает свой ответ на этот вопрос.

Подчеркивая аристотелевскую энергию покоя, он возвращается к такому пониманию, в котором нет разделенного Бога, но Бог существует как неподвижная энергия покоя и аристотелевский Перводвигатель.

Ключевые слова

антипаламитизм, богословие, Григорий Палама, сущность, философия, энергия

Биbihин является мыслителем, который вдохновляет не только русских. В философском наследии Владимира Вениаминовича Биbihина мы встречаемся с чистой мыслью, с мышлением, которое увлекло его, как когда-то эллинов, плодом чего и стала его философская деятельность. Намерение Биbihина — следовать живой мысли, ее деятельному характеру. Философ не заперся в истории, не теряет времени на то, что уже сделано, он занимается тем, что постоянно актуально. Следуя Хайдеггеру, он читает историю с точки зрения настоящего, благодаря чему история сама по себе становится нынешней. В новых условиях он пытается указать направление человеческому разуму (в том числе и русской мысли). Творчество Биbihина может привлечь интерес многих — ведь он не только русский мыслитель. Владимир Вениаминович сам писал, что ищет не нового начала русской мысли, у него нет намерения заниматься лишь русской философией, его интересует мысль вообще, он постоянно ищет простое начало (ср.: Биbihин 2003: 306), это древнее *αρχή*, которое когда-то завладело умами греков. Постоянное стремление к живой мысли, приучение слушателей и читателей к активному участию в мышлении и присматривание за работой автора характеризует творчество Биbihина. Его философские авторитеты сами собой свидетельствуют об интересе к этому новому началу мысли. Внимание к великому философу XX столетия, Мартину Хайдеггеру, продолжение его работы, популяризирование нового философского метода свидетельствуют о великой жажде возвращения к корням, философствовании с начала. Говоря о хайдеггеровском вдохновении у Биbihина, надо упомянуть и то, что знаменитый перевод «Бытия и времени» на русский язык служит не только русским читателям — по этому переводу знакомятся с Хайдеггером и польские студенты.¹

Однако наше внимание привлекает совсем другой вопрос, с которым и связан Владимир Вениаминович, — паламитские споры. Сегодня, когда большой популярностью пользуется исихастское богословие, увлечение персоной св. Григория Паламы² затмило другие вопросы богословия и других авторов того времени, а возвращение к поздневизантийской мысли в православной среде было связано с прославлением паламитов, Владимир Биbihин решил дистанцироваться от навязывающейся интерпретации и бесстрастно начал об-

¹ В 2012/2013 академическом году в Институте Философии Варшавского Университета на семинаре Вавжинца Римкевича, посвященном М. Хайдеггеру, студенты работали с текстом «Бытия и времени» в переводе Биbihина.

² Григорий Палама (1296–1359) — византийский богослов, автор богословия энергии, согласно которому в Боге можно наблюдать разделение на непознаваемую сущность и познаваемые энергии Бога. Благодаря этому разделению в Боге, он смог защитить молитвенную практику исихастов, в которой Бог становится познаваемым в своих энергиях.

суждение спорного, по его мнению, паламитского догмата о категорическом разделении в Боге божественной непознаваемой сущности и познаваемых энергий Божьих. Таким образом Бибахин занял место на стороне антипаламитов, среди византийских противников Григория Паламы. Однако его позиция проникнута пониманием намерений Паламы, и это позволяет судить, что дело Бибахина является попыткой завершения когда-то начатого спора о сущности и энергии.

Среди главных критиков богословия энергии в XIV столетии стоит указать двоих — Никифора Григору³ и Димитрия Кидониса.⁴ Они являются представителями течения в византийской мысли, которое можно назвать христианским неоплатонизмом и которое отличается от течения монашеского и связанного с ним православного богословия. Оппозиция Паламе и его догмату о радикальном разделении в Боге сущности и энергии возникла в среде друзей Паламы. Одним из первых был друг св. Григория Григорий Акиндин,⁵ который высказывал сомнения по поводу этого разделения. Затем эти сомнения провозгласили и другие мыслители, что стало причиной второго этапа исихастских споров. Те, кто раньше выступал вместе против Варлаама, сейчас уже не были столь единогласны.

Среди них нашел себе место и Владимир Бибахин. По его мнению, св. Григорий, вводя в жизнь догмат о сущности и энергиях в Боге, защищается перед богооставленностью. Его догмат — это отчаянный крик монаха, который должен знать, что Бог как таковой является в молитвенной практике каждому верующему. Согласно св. Григорию, энергия не только что-то вечное в Боге, она и вечна, и нетварна, и она сам Бог. Если так, то зачем, спрашивает Бибахин, вводить различие в Боге: ведь энергия — сам Бог. Св. Григорий, подражая Псевдо-Дионисию, хотел сделать из этого явления Бога в энергиях что-то совершенно непостижимое, и поэтому ввел, по его мнению традиционное, различие на сущность и энергию. Из этого различения следует, что божественная сущность не тождественна

³ Никифор Григора (1295–1360) — византийский мыслитель, научный деятель, историк, известный противник паламитского богословия энергии. Его богословские взгляды можем найти в его «Византийской истории».

⁴ Димитрий Кидонис (1324–1398) — византийский ученый, переводчик сочинений Фомы Аквинского, его антипаламитские взгляды можна найти в сочинении «Против заблуждений Григория Паламы».

⁵ Григорий Акиндин (1300–1348) — византийский богослов, один из главных участников паламитских споров. В начале поддерживал Паламу, затем стал его противником.

действию Бога, Его энергиям. Кажется, что впервые критиковал эти слова Григорий Акиндин, утверждающий, что: «В Боге есть только самоощество и неразличимость, кроме той особенности, которой различаются богоначальные Лица» (Акиндин 1220). Сущность Бога тоже является способом бытия, она само Его бытие, которое «конечно, действительно, т. е. действено существует как премудрость, истина, воля и другие Божьи силы» (Биbihин 2010: 111). Мы видим, что Биbihин находит поддержку уже у Акиндина. Его понимание бытия и аргументация Акиндина очень близки. Вместе они придают энергийный характер сущности.

Возражения против паламитского богословия принимались как нападки на ортодоксию. Св. Григорий утверждал, что не вводит никакого новшества в богословие и во всем следует святым отцам, у которых уже давно появилось учение об энергии, и которое он от них лишь заимствовал и более детально разработал. Однако он не только повторил и расширил это учение, но приложил к нему собственную интерпретацию (хотя, по-моему, эта интерпретация соответствует традиции и интуиции святых отцов); согласно ей энергия делается мистическим символом божественного присутствия, благодаря которому продолжается библейская и евангельская история Живого Бога (Биbihин 2010: 113). Кроме того, он постоянно повторял в своих сочинениях, что об энергиях говорили уже святые отцы, его интерпретация была особенной. Уже тогда св. Григорий чувствовал богооставленность, чувствовал, что уходит эпоха пророков и апостолов, что человек и мир живут без Бога, поэтому, вводя свою концепцию энергии, он хотел вернуть Бога миру, хотел доказать человеку, что рядом с ним присутствует Бог, который ждет его усилия. Эти слова во время исихастского возрождения были вполне понятны. Св. Григорий защищал живой опыт, его понимание энергии свидетельствовало о церковной жизни во Святом Духе и именно этот опыт, опыт обожения, исполняет главную роль в его учении о энергии. Ведь св. Григорий, разрабатывая концепцию энергии, хотел высказать, что Бог, познаваемый на опыте, прикасается к человеческому сердцу, переменяет его, и, будучи в целом непознаваемым, постоянно открывает себя. «Энергия» нужна ему была, чтобы защищать истинность религиозного опыта, боговдохновенность богословия Отцов, но она нужна и для того, чтобы вести борьбу с богословским релятивизмом Варлаама.

Биbihин постоянно спорит с Паламой, он не рад, что тот разработал свой догмат, и что Церковь в Византии слишком быстро приняла и провозгласила учение о энергиях. Нервозность, политические споры и другие факторы влияли на то, что ни у кого не было ни времени, ни желания провести хороший анализ понятия паламитской энергии. Ведь что не так, по мнению Биbihина, в паламитском учении о энергиях? Очевидным фактом является то, что во время раз-

говора с любимым человеком я познаю не его сущность, а лишь то, благодаря чему она проявляется, т. е. его энергию. Конечно, я узнаю его присутствие как такого, то, что он есть, но не его целиком. С Богом — похоже. Молящийся Ему человек познает Его через Его энергии, Его присутствие, Его благодать, через обоживание Им грешной природы. Однако в своей полноте Бог прячется от нас, он остается непознаваемым. Почему тогда паламитский догмат о энергиях Бибахин называет «богословской неудачей» (Бибахин 2010: 141)? Желая понять позицию Бибахина, постараемся пройти через его критику учения Паламы. Однако мы постоянно должны помнить, что Бибахин никогда не выступал реформатором богословия, а в своих текстах и не думал заниматься богословием. Он только пытался возобновить дискуссию о энергии, которой он сам был затронут. Он хотел спокойно заниматься паламитской энергией и присмотреться к ней как философ.

Догмат Паламы Бибахин называет «скандальным». В бегстве от западной схоластики св. Григорий приближается к мусульманскому пониманию пророческого призвания. Ведь в чистом сердце молящегося человека, как и в пророке, живет Бог. Паламитский догмат был уходом от философской логики и вся его скандальность в этом и заключается. Однако догматика не философия, с ней надо по-другому. Критика паламитского догмата об энергиях промахнулась уже в самом начале. Например, братья Димитрий и Прохор Кидонис,⁶ не чувствуя глубины догмата об энергиях, критиковали Паламу за философскую нелепость. Они пытались сделать философский анализ этого догмата, что и стало причиной того, что их противники начали его философскую защиту. Однако, по мнению Бибахина, усилия одних и других были обречены на неудачу; попытка философского обоснования догмата невозможна.

Паламе делали упреки (а именно Акиндин) в двоебожии, в том, что он вводит новшества в богословие, а не следует святым отцам, в иконоборчестве, в непочитании церковных сосудов и христианского богослужения. Нас, однако, интересуют те аргументы против паламитской энергии, которые за антипаламитами XIV в. повторяет Бибахин.

1. По Паламе энергия — нетварная. Что это значит? Ведь если она нетварная, то должна существовать сама по себе? Но у Паламы она не существует сама по себе, потому что она связана с сущностью. Если сущность является причиной энергии, как у Паламы, тогда как нетварное — а такой должна быть энергия — имеет свою причину? Кроме того, согласно Паламе, сущность непостижима, к ней никто не при-

⁶ Прохор Кидонис (1330–1369) — византийский богослов, монах, брат Димитрия, антипаламитский деятель.

частен, а энергия, со своей стороны, допускает участие. А ведь то, что нетварно, должно быть ничему непричастно. Как же нетварная энергия может быть постижима? Если мы утверждаем, что Бог хочет открыть себя людям и миру, тогда почему не мог бы он открыть нам свою сущность? Ведь результат был бы один и тот же. Мы узнали бы того же самого Бога. Итак, мы видим, что аргументация правильна. Паламитский догмат имеет свои недостатки. Мы их тоже видим, когда говорим, что сущность неименуема, в отличие от энергии. По словам Бибахина, правильное название энергии возможно лишь тогда, когда человек уже ею захвачен (ср.: Бибахин 2010: 125). Тогда в названии (имени) энергии находилась бы она сама, а название (имя) являлось бы энергией (этим вопросом в свое время занималось имяславие).

2. Следующий контраргумент Бибахина также касается нетварности энергии. Ведь в используемых Паламой словах, касающихся энергии, *неисходно выходящей* из сущности, тоже нет смысла. Как же энергия может исходить от сущности, не исходя из нее? То же размышление повторяется в связи со словами: «Различие без расхождения» (ср.: Бибахин 2010: 126).

3. В соответствии с утверждениями Бибахина, обвинения, касающиеся введения сложности в Боге, абсолютно правильны. Паламитский догмат делит Бога. Хотя св. Григорий говорит, что он имел в виду защиту христианского, библейского Живого Бога, который именно потому, что является Живым и есть Кто-то, в отличие от Бога философов, который есть нечто, может действовать, может быть источником энергии. Однако Бибахин спрашивает, зачем делить Бога на сущность и энергию, не достаточно ли говорить просто о Живом Боге, который открывается миру? Зачем это разделение, которое предполагает потенциальность сущности? Ведь тогда в Боге есть что-то, что еще не осуществилось. Но может ли быть в Боге что-то такое? Может ли Бог каким-то еще не быть? Это означало бы Его несовершенство и противоречило бы интенции святых отцов. Бибахин подчеркивает, что все в Боге актуально, энергийно, Бог и есть энергия, и в Нем нет ничего нереализованного, ничего, что не было бы сразу вечной энергией (ср.: Бибахин 2010: 128).

Бибахин подчеркивает, что только в Боге «динамис» и «энергия» становятся едины. В этих словах он, может и невольно, ссылается на традицию неоплатонизма. Ссылаясь на слова главного противника Паламы последнего этапа исихастских споров, Бибахин занимает место среди христианских неоплатоников-гуманистов, в постоянном конфликте с которыми находилось православное богословие. Главными представителями этого течения были Михаил Пселл,⁷

⁷ Михаил Пселл (1018–1078) — византийский ученый, возродил в Византии интерес к Платону, что стало причиной будущего возрождения античной мысли.

Иоанн Итал,⁸ а позже цитированный Бибихином Никифор Григора. Надо, однако, помнить, что это течение, хотя и христианское, постоянно сближалось с неоплатонической концепцией Бога-Единого. Кажется, что именно в этой тенденции надо усматривать конфликт паламизма и антипаламизма. Когда мы присмотримся к проблеме «динамис» и «энергии» у Плотина, то увидим, что движение из Единого не совершается по воле, по любви, а зависит от переизбытка силы (динамис). Этот процесс необходим. В свою очередь, у Паламы, как и в библейской концепции Живого Бога, Бог должен захотеть выйти из себя и тогда это же самое хотение (воление) является уже энергией — выходом за свои пределы. Может быть, обвинения Бибихина и правильны, но они связаны с неоплатоновской концепцией Бога, которую никогда не принимал св. Григорий.

4. Следующий аргумент антипаламитов носит антропологический характер. Человек стремится к соединению с Богом, однако, по мнению св. Григория, Господь как абсолютное Единое, как совершенная Простота никогда не бывает постижимым для человека. Поэтому он вводит разделение в Боге: ведь то, что непостижимо и есть сущность. Энергией является то, что на опыте испытует молящийся человек. Никифор Григора, а за ним Бибахин, утверждают, что это разделение в Боге не нужно, ибо проблемой грешного человека является невозможность познания Бога (ср.: Бибахин 2010: 128). Это человек не в состоянии целостно познать Бога, а не потому он его не познает, что в Боге наблюдается разделение на сущность и энергию. В свою очередь Палама утверждает, что человек с чистым сердцем в состоянии в своем созерцании увидеть Бога каким Он есть — и все это, конечно, через энергии. Бибахин, однако, утверждает, что для этого не надо «дробить Бога непривычным образом на сущность и энергию» (Бибахин 2010: 128). В словах Бибахина высказана очень простая интуиция — Бог как таковой открывается нам в молитвенной практике, а мы постигаем Его в зависимости от нашей аскетической подготовки и молитвенного опыта. Может быть, как и Плотин, он желает объяснить обожение как действие Бога, и тогда открылся бы Он как вечная энергия, преизбыток силы, который постоянно действует и имеет энергийный характер. Однако тогда исчезнет из виду экзистенциальное измерение Бога, которое прекрасно описано в монашеской традиции, концептуальное, богословское выражение которого появилось в патристике (в том числе и у Паламы).

Кроме Никифора Григоры, чьи антипаламитские аргументы мы только что перечислили, при критике паламитского догмата Бибахин ссылается еще на одного писателя того времени — Прохора

⁸ Иоанн Итал (1025–1090) — византийский философ, неоплатоник, осужден Церковью за попытку философского истолкования догматов веры.

Кидониса, брата Димитрия. В цитировании слов Кидониса Бибахиным легко можно увидеть симпатию к этому способу мышления: «Прохор говорил хорошо, его аргументация доходит даже сквозь пристрастное изложение» (Бибахин 2010: 130). Прохор Кидонис желает сделать простой дискусию об энергиях, таково же и намерение Бибахина, потому оба ссылаются на евангельский текст, в котором ученики обращаются к Христу с просьбой, чтобы Он показал им Отца. Они говорят очень просто: «Покажи нам Отца». Не спрашивают о сущности или энергии. Поэтому и мы, когда созерцаем божественную благодать, истину и красоту, созерцаем Бога как такового, Его существование (сущность), хотя созерцаем слабо (ср.: Бибахин 2010: 131). Прохор, как и Бибахин, утверждает, что истина, красота и благодать — это сущность Бога, а не Его действия (энергии), как того хотел св. Григорий. Для них сущность является вечным действием, она действительно открывается человеку.

Прохор подчеркивает также очень существенную пневматологическую проблему. Дух Святой является тем, Кто освещает, перемежает, поддерживает, утешает. Зачем вводить энергии? Зачем путать и закрывать деятельную Святую Троицу? Св. Григорий в своем учении о энергии хотел, однако, доказать, что именно общее действие Святой Троицы и есть энергия. Перед так понимаемой энергией остается Тот, Кто действует, Живой Бог. Его откровение в мире является сознательным действием, в котором человек познает Бога, когда только вступит с Ним (энергией, действием) в синергию. Поэтому видение, которое видели на Фаворе апостолы, не обман, оно — нетварное постижение Бога в действии, в божественных энергиях, в которых познаваемым является действующий.

Подходя к проблеме энергии, надо прежде всего сделать выбор между концепциями Абсолюта, и от этого выбора зависит наше понимание энергии. Бибахин утверждает, что Бог и есть энергия. Он делает акцент не на «динамис», как у Плотина, а на энергию. Поскольку у Плотина мы встречаемся с постепенным слиянием понятий «динамис» и «энергия» в пользу динамис, а у Бибахина имеет место противоположная ситуация. «Динамис» уступает место «энергии».

Вспомним еще одного византийского антипаламита, которого цитирует Бибахин — константинопольского патриарха Геннадия Схолария.⁹ Как настоящий схоласт, он не мог не примириться с недо-работанным с точки зрения логики учением св. Григория. Прояснив учение о сущности и энергиях в Боге, он пишет следующие слова:

⁹ Геннадий Схоларий (1400–1472) — византийский богослов, константинопольский патриарх, церковный деятель, переводчик сочинения Фомы Аквинского на греческий.

Реального различия сущности-энергии в Боге никакого нет, но *основание* для такого нашего различения вполне реально, *реально* Бог нам такое основание дает! [...] как того требует Божия простота, сущность и энергия в нем обладают одним и тем же модусом существования, они обе суть единая Бесконечность и Единый Бог, и их различение нами не может произвести в самом Боге ни реального различия, ни составности, однако каждое вообще божественное совершенство (действие) в мире есть особая реальность в Боге (Бибихин 2010: 133).

Именно то, что в этих словах нравится Бибихину, является предельным уходом от интенции Паламы, который не хотел логически анализировать богословие, а желал лишь описать живой, динамический, спонтанный и энергийный опыт созерцания Бога человеком.

Догмат о скрытой сущности и открывающих ее энергиях связан с попыткой доказательства св. Григорием объективного характера религиозного опыта. Спор этот начал Варлаам, который в разговорах с западными богословами о церковной унии высказался о роли догматов в богословском диалоге. Он утверждал, что божественная реальность не может быть объективно описана, потому проблема исхождения Святого Духа от Отца и Сына или только от Отца не является существенным вопросом в диалоге между западной и восточной церквями. Варлаам этими словами напал на ортодоксию. Ведь догматы являются плодом духовной жизни, их можно доказать, потому что знание о Боге является не мнением, а истинным знанием, ибо Бог Сам открылся святым отцам. Палама защищал богословие отцов, хотя в догмат о Святой Троице вводил другую интуицию, чем та, которую описывали предыдущие отцы. В тринитарном богословии весь Бог снисходит в мир в Сыне, который равен Отцу, для того, чтобы затем еще раз выйти в мир в лице Духа Святого. Открывается целый Бог. У Паламы же мы встречаемся с чем-то другим — не весь Бог снисходит в мир, но лишь его энергии, которые отличаются от сущности (Бибихин 2010: 361).

Кажется, что Палама, вводя понятие «энергия», понимал его как действие. Он желал описать действующего Бога, который обращен своей волей к миру. В свою очередь Бибихин подчеркивает, что присутствие Бога вообще не должно быть лишь действием, оно может и быть покоем. И мы не имеем в виду лишь покой, исихию на высших степенях созерцания, это другой покой — следствие смирения, терпения, даже недоразумения, или покой кенозиса, следствие оставленности, как оставлен был Богочеловек на Кресте (ср.: Бибихин 2010: 364). Бибихин старается убедить, что, желая возвратиться догмат о энергиях для жизни и заново им заняться, надо вначале отстранить от себя образ энергии как действия (Бибихин 2010: 364).

К кому за этим надо возвращаться? Конечно к Аристотелю, говорит Бибахин, у которого первым проявлением энергии является полнота, завершенность. Бог — энергия. Его природа имеет энергийный характер, она проявляется как полнота. Подобные же мнения Бибахин находит у Акиндина, который утверждает, что

всё делающее делает, поскольку оно энергия. Когда оно не целиком энергия, то оно делает не целым собою, но чем-то кроме самого себя. И что делает не целым собою, не есть первое делающее, ибо делает присущностью к чему-то, а не своей сущностью. Первое делающее, а оно Бог, не имеет никакой примешанной к нему силы, каково оно что-либо делало бы, но есть целостно чистая энергия (Акиндин 1220).

Когда св. Григорий говорит про энергию, высказывается о ней как о действии Бога, то он не желает, чтобы Бог остался бездейственным. Палама старается показать в мире нетварность, с которой можно соединиться, а тварное может прикоснуться к нетварному. Однако, разделяя Бога на энергию и сущность, он делает последнюю недоступной, закрытой. Основы такого учения он нашел у Отцов Церкви, но их слова комментирует по-своему. Он нашел у Отцов основу для энергии, но не нашел у них самой проблемы энергии, с которой сам должен был разбираться. Поэтому его комментарий к богословию Отцов стал очень авторским — он является дополнением к богословию, но в духе собственной богословской интуиции. Бибахин вполне правильно говорит, что Палама уже потерял античную интуицию — подчинения человека космосу. Палама стремится к уверенности, которая возможна исключительно благодаря Богу, Который подтверждает все своим неопровержимым присутствием. Паламитский догмат является плодом стремления к абсолютной объективности истины, борьбы за истину и убежденности в том, что спор идет не только за какие-то мнения или гипотезы, но имеет объективный характер.

Антипаламитизм Бибахина связан с другим пониманием центральной проблемы энергии. Для Паламы энергия — это действие, она подчеркивает экзистенциальный характер Бога, делает Его Живым Богом Священного Писания, а само христианство поднимает на уровень библейской религии. В свою очередь, Бибахин понимает энергию немножко по-другому — она у него есть полнота, завершенность. По его мнению, не надо разделять Бога на сущность и энергии, потому что для него бытие имеет энергийный характер. Палама хотел всем напомнить, что Бог, Который все больше уходит, все-таки присутствует в мире своими энергиями, хотя и не сущностью, и таким образом присутствует и в жизни человека. Бибахину не нравится именно это отстранение божественной сущности, поэтому он

и утверждает, что Бог целостно открывается как энергия. Во время молитвы человеку открывается Бог как таковой: не Его части (энергии), а целый Бог, Его присутствие. Прав ли Биbihин? Дело не в том, прав он или нет. Просто он занимает совсем другую позицию, чем паламиты, имея собственную концепцию энергии, прилагает к ней энергию Паламы. А ведь у паламитов тоже была собственная концепция, которая происходила не от Аристотеля, а из христианской аскетики, сущностью которой является искание Бога, держание Его в себе и постоянное возвращение к этому опыту. Христианская и античная точка зрения здесь просто не сводимы друг другу.

Биbihин придерживается аристотелевой энергии, но подчеркивает только одну ее сторону — завершенность, полноту. Пишет он об энергии покоя, которая является завершенным действием: «энергия это осуществленность, которая полна и не должна еще чего-то дожидаться в себе» (Биbihин 2010: 274). Энергия покоя — самоцель для Биbihина. Она не действие (как у Паламы), она энтелехия, законченное действие, она «настоящее, к которому всегда рвется настоящее, которым оно захвачено, всегда непривычно, невыносимо, почти нестерпимо. Оно всегда слишком. Как энергия, как полнота, как бытие» (Биbihин 2010: 344). Энергия Биbihина, в отличие от Паламы, всегда остается в бытии, не реализует ничего вне себя, она и есть «осуществленное бытие, которое полно в себе, полно собой и само себе цель» (Биbihин 2010: 439). Эта энергия по Биbihину тождественна Первому двигателю. Первый двигатель полон энергии, хотя он сам неподвижен: «Всякая сила, потенция после него. Он покой, энергия покоя» (Биbihин 2010: 321). Если Первый двигатель, Бог, является энергией покоя, тогда разделение сущности и энергии просто провал. Биbihин не оставляет никакой возможности понимать энергию как действие. Для Биbihина Бог есть цель и начало, «энергия, которая себя ищет и находит», и будучи энергией покоя, является также началом двигающим все остальное. Как известно, Бог Паламы никогда не стал Первым двигателем, Он не есть энергия, Он только пользуется энергией.

Кажется, что Биbihин принял вызов и удачно оспорил догмат Паламы. Сдержанно, с пониманием он показал слабые стороны догмата о сущности и энергии, а также представил альтернативный способ понимания энергии. В одной из своих книг («Мир») Биbihин, комментируя Хайдеггера и пользуясь его аргументацией, пишет о мире как о присутствии. Категорию присутствия можно использовать и в богословии, заменяя понятия старой метафизики новыми. Уже не сущность и энергия, а присутствие и настроение интересовали бы нас. Может быть, тогда закончится паламитский спор. Даже эта мысль заслуживает великого уважения. Может быть, к православному богословию надо сегодня отнести как к замкнутой системе, которая говорит уже не сегодняшним языком и не соотно-

сится с современным мышлением, и которая окончилась вместе со «смертью Бога» и «концом метафизики». Может быть, ее содержание надо попробовать высказать на новом языке, языке Хайдеггера и Бибахина?

Библиография

Акиндин, Григорий. *О сущности и энергии*, I, 4 («О том, что сущность Бога есть Его бытие»); II, 11 («О том, что умная Божия энергия есть Его сущность»): PG 151, 1201 A–1205 A; 1220 A. Цит. по: (Бибахин 2010: 110–111, 374).

Бибахин, Владимир (2003). *Другое начало*. СПб.: Наука.

Бибахин, Владимир (2010). *Энергия*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.